

О КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ В ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ, ПРОЖИВАВШЕГО НА ЗАПАДНЫХ РУБЕЖАХ АРХАИЧЕСКОЙ СКИФИИ (источники, проблематика)

Введение

Скифия — перипетии появления и истории скифов в Северном Причерноморье — остается излюбленной темой сферы научных интересов сегодняшнего юбиляра, Сергея Анатольевича Скорого. А какая она была, Скифия, на своих западных рубежах, и где они находились — эти самые западные скифские земли?

Как известно, погребальная обрядность признана многими специалистами в качестве одного из решающих показателей скифского присутствия или отсутствия на протяжении не только всего периода пребывания скифов на обширных пространствах Северного Причерноморья, но особенно времени прихода и начала освоения скифами этого региона. Важным следует признать расширение в последние годы научных представлений и появление новых исследовательских гипотез:

— удревнение времени прихода скифов в Северное Причерноморье, что приходится на конец VIII в. до н.э. (*Alekseev, et al. 2002: 143-150; Alekseev, 2004: 9 и сл.; Евразия скифская радиоуглеродная 2005: 64 и сл., 215 и сл.*);

— понижение датировок раннего греческого импорта в лесостепных областях Северного Причерноморья до начала — первой трети VII в. до н.э. (см. *Kerschner, 2006: 239 и сл.; и др.*);

— дальнейшее расширение классификации и изучение технико-техно-

логических характеристик ранней сероглиняной гончарной керамики из северо-понтийских колоний, а также поселений северо-западной части варварского хитерланда (*Смирнова, 1965: 8 и сл.; она же, 1994: 185-187; она же, 1998b: 23-37; она же, 1999a: 44-57; Chochorowski, 1996: 116-147; Pontic Grey Wares, 2008; Kowal, 2008: 74-94; Levițki, 2009*);

— изучение европейских восточно-галльштаттских импортов в раннескифской культурной среде, в том числе учитывая обновленную европейскую хронологическую схему времени классической Гальштаттской культуры (*Смирнова, 1998a: 36-39; 1999b: 241-244; 2001: 33-44; 2004a: 64-65; 2004b: 421; Дараган, Кашуба, 2008: рис. 1; Дараган, Снытко, 2008: 303-308; Кашуба, 2008: 56 и сл.*) и др.

Базовыми территориями обитания скифов первой миграционной волны в Северном Причерноморье были области лесостепной части Правобережья Днепра, включая и Южную Подолию, как это было убедительно показано во многих работах последнего десятилетия (*Алексеев, 1996; 2003; Скорый, 1996a; 8-14; 1996b: 2003*). Территории далее к западу — Среднеднепровский бассейн и Восточное Прикарпатье — также были охвачены первой миграционной волной ранних скифов. Однако «скифское освоение» этих областей имело особый ход развития событий. Местное население Восточного Прикарпатье, хотя и испытало (возможно, и восприняло) самое эффективное на тот период скифское

оружие, продолжало сохранять устойчивые традиции во многих сферах своей материальной культуры – в домостроительстве, производстве лепной посуды, изготовлении личных украшений и прочее. Все это породило разные модели объяснения культурно-исторического развития, предложенные специалистами для описания ситуации в период скифской архаики в восточнокарпатском регионе: от признания безусловного присутствия ранних скифов на этих территориях до фактического отрицания такового (обзор – см. *Смирнова, 2004b: 409 и сл.*; и др.).

Здесь нужно отметить, что поздний период гальштаттской эпохи в Восточном Прикарпатье¹ остается пока еще малоизученным, что обусловлено как состоянием археологических источников, так и подходами специалистов к освещению его проблематики. Последние исследования, выполненные на основе поселенческих комплексов, ограничиваются отдельными и отдаленными друг от друга зонами региона: южная часть бассейна Среднего Днестра (*Каšуба, 2000*) и центральная часть Днестровско-Прутского междуречья (*Niculita, 2002; Arnăut, 2003*). Из погребальных памятников этого времени, обнаруженных случайно и представленных в центральной части Днестровско-Прутского междуречья одиночными разрозненными комплексами (*Мелюкова, 1979: 89-120; Лапушнян, 1979: 18-23; Levički, 1998: 28-59; и др.*), выделяется почти полностью раскопанный курганный могильник Тринка–Друмул Фетештилор, находящийся в северной части рассматриваемого региона (рис. 1). В целой серии публикаций, где рассматривались материалы этого памятника (*Левицкий и др. 1992: 95-107; Levički, 1995: 247-278; Levički, Naheu, 1997: 167-212; Levički, 1996: 165-193; 1997: 149-180; 2000: 38-39; 2004a: 76-82; 2004b: 369-393; Левицкий, 2004c: 152-157*), в том числе в монографическом исследовании (*Levički, 2006*), основные параметры его погребальной

обрядности были сопоставлены с позднегальштаттскими и раннескифскими могильниками соседних (Среднее Поднестровье и низменность Рэдэуць) и более отдаленных территорий – Карпатская котловина и южное Прикарпатье, а также лесостепная область Правобережья Днестра (*Levički, Demcenco, 2005: 44-71*).

Возвращаясь к проблеме нескифских (местных) и скифских культурных традиций у населения, проживавшего на западных границах Архаической Скифии, в своей статье предварительного характера авторы попытаются обозначить, в первую очередь, круг проблем, связанных с изучением погребальной обрядности. Предлагаемые здесь акценты и имеющиеся новые исследовательские подходы, в конечном итоге, позволят более полно понимать культурно-исторические и этнокультурные процессы, имевшие место в северной части восточнокарпатского региона в период VII–VI вв. до н.э.

Могильник

Тринка–Друмул Фетештилор

Местонахождение и планировка. Расположенный в 700-800 м к югу от южной окраины села на высоком мысу, образованном руслом р. Драгиште и ложбиной безымянного ручья, могильник занимал пологий, юго-западный склон мыса, ориентированного в направлении ЮВ-СЗ. Абсолютная высота мыса 245,2 м, высота от уровня долины р. Драгиште – 75 м. Площадь могильника, состоящего из 12 небольших насыпей, составила около двух гектаров. Курганы были расположены в три ряда (по 2, 5 и 4 насыпи, соответственно, на расстоянии от 25 до 70 м), ориентированные в направлении ЮЗ-СВ и находящиеся от 30 до 75 м друг от друга. Всего было раскопано 9 курганов (рис. 2, 1).

Конструкции. Общая высота каменно-земляных насыпей составила от 0,45 до 0,7

¹ Деление периода раннего железного века Карпатского бассейна, Среднего и Нижнего Подунавья, а также восточного Прикарпатья (включая и территорию Днестровско-Прутского междуречья) на ранний (XII–IX вв. до н.э.), средний (VIII в. до н.э.) и поздний (VII–VI вв. до н.э.) гальштаттские периоды дается согласно принятой в румынской специальной литературе археологической систематике (*Vulpe, 1990: 102-130, Taf. 62*).

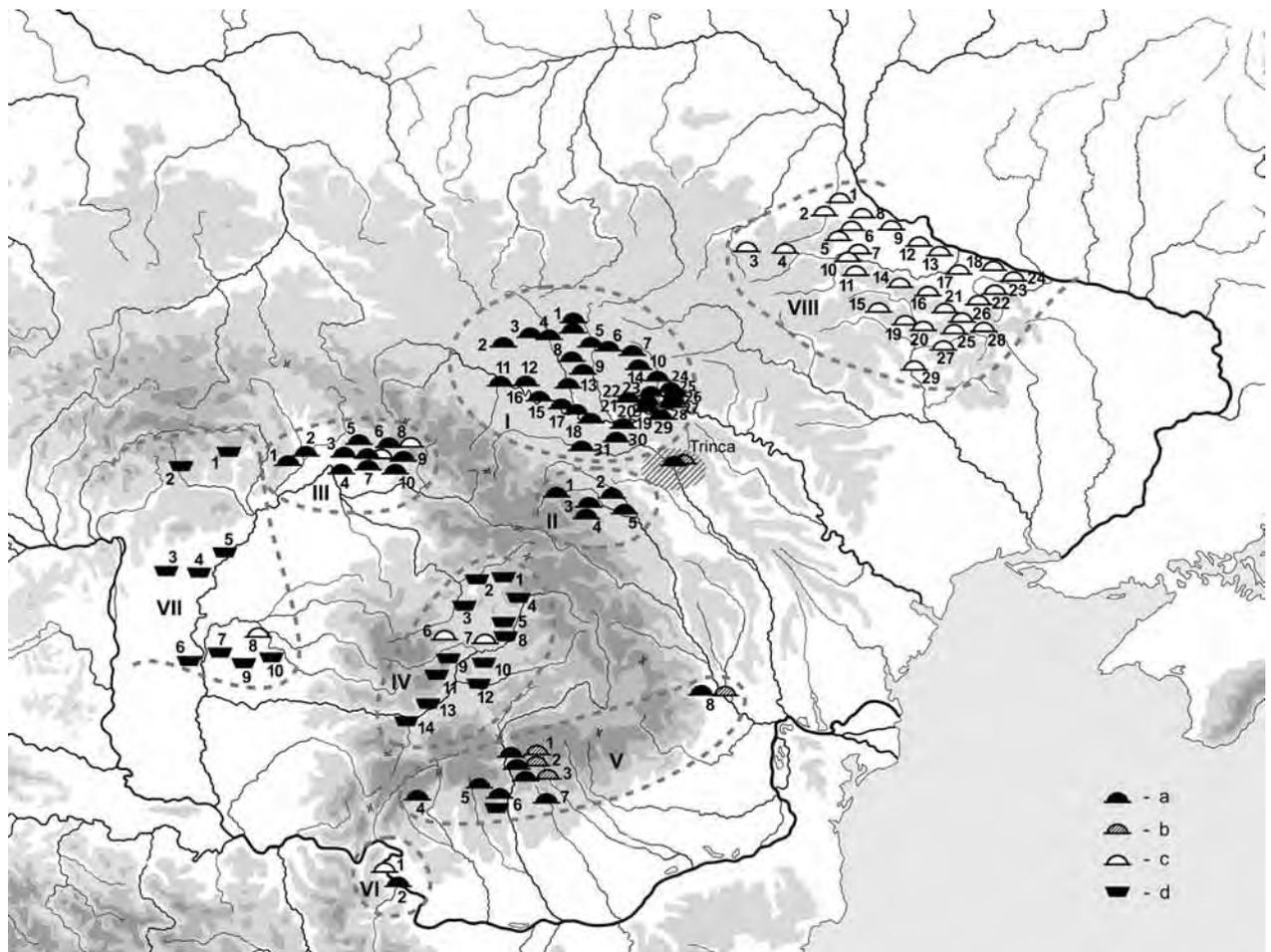


Рис. 1. Северное Причерноморье, Карпатский бассейн и Прикарпатье в позднегалльштатское – раннескифское время. Культуры и культурные группы.

I. Западно-подольская группа: 1 – Новосёлка-Гримайловская, 2 – Ивановка, 3 – Ладычин, 4 – Мышковцы, 5 – Качановка, 6 – Серватинцы, 7 – Ивановцы, 8 – Раков Кут, 9 – Шидловцы, 10 – Купин, 11 – Братышев, 12 – Беремяны, 13 – Билче Золотое, 14 – Завадинцы, 15 – Городница (Ивано-Франковская обл.), 16 – Дуплинск, 17 – Городок, 18 – Перебыковцы, 19 – Долиняны, 20 – Малинивцы, 21 – Текливка, 22 – Тарасивка, 23 – Шутнивцы, 24 – Городница (Тернопольская обл.), 25 – Сокилец, 26 – Чабанивка, 27 – Колодиивка, 28 – Лоевцы, 29 – Ленковцы, 30 – Круглик, 31 – Новосёлка; **II. Подольско-молдавская группа:** 1 – Викову де Сус, 2 – Сату Маре, 3 – Воловец, 4 – Кашвана, 5 – Ворничений Мичь; **III. Куштановицкая культура:** 1 – Невичке, 2 – Малые Гевецы, 3 – Жорнино, 4 – Лесовица, 5 – Куштановице, 6 – Чёрный Поток, 7 – Дунковице, 8 – Колодное, 9 – Осой, 10 – Белки; **IV. Скифская группа Трансильвании:** 1 – Мэрэшелу, 2 – Фынтынеле, 3 – Гэдэлиу, 4 – Бэица, 5 – Шоптериу, 6 – Кымпия Турзей, 7 – Чипэу, 8 – Тыргу Муреш, 9 – Чимбруд, 10 – Озд, 11 – Теюш, 12 – Блаж, 13 – Бландина, 14 – Симерия; **V. Группа Бырешть-Фериджиле:** 1 – Чепарь, 2 – Тигвень-Петроаса, 3 – Тигвень-Бабе, 4 – Телешть-Дрэгоешть, 5 – Вайдееень, 6 – Фериджиле, 7 – Цицешть, 8 – Бырешть; **VI. Группа Балта Верде и Гогошу:** 1 – Гогошу, 2 – Балта Верде; **VII. Культура Сентеш-Векерцуг:** 1 – Монай /Monaj, 2 – Матраселе /Mátraszele, 3 – Тапиосентмартон /Tápiószentmárton, 4 – Тапиоселе /Tápiószele, 5 – Хевеш /Heves, 6 – Чаньтелек /Czanytelek, 7 – Сентеш-Векерцуг /Sentes-Vekerzug, 8 – Дьема /Gyoma, 9 – Орошхаза /Orosháza, 10 – Бекешчаба-Фениеш /Békéscsaba-Fényes, 11 – Зёлдхаломпуста /Zöldhalompusztá; **VIII. Раннескифская культура Днепрового Правобережья:** 1 – Глеваха, 2 – Малая Офирна, 3 – Новая Котельня, 4 – Жовтневе, 5 – Перепятиха, 6 – Лазурцы, 7 – Стеблёв, 8 – Казаровцы, 9 – Трахтемиров, 10 – Медвин, 11 – Куриловка, 12 – Берестняги, 13 – Бобрица, 14 – Беркозовка, 15 – Рыжановка, 16 – Гамарня, 17 – Яснозорье, 18 – Ташлык (Ковалиха), 19 – Шполы, 20 – Константиновка, 21 – Цветково, 22 – Тенетинка, 23 – Жаботин, 24 – Гуляй Город, 25 – Макеевка, 26 – Репяховатая Могила, 27 – Журовка, 28 – Оситняжка, 29 – Турия.

Условные обозначения: *a* – насыпь: земля–камни, *b* – насыпь: земля–камни–земля, *c* – насыпь земляная, *d* – отсутствие насыпи.

м (каменных — 0,4-0,6 м) при диаметрах от 7-8 до 12-14 м (рис. 2, 2А, 3С; 3, 1). Вокруг места захоронения, на уровне древней поверхности, сооружался кромлех округло-овальной формы внешним диаметром от 5 x 5,2 м (курган IX) до 10 x 10,5 м (курган VIII) и шириной, соответственно, от 1,0 до 2,2 м. Курганы были предназначены только для одного захоронения, лишь на окраинах каменных насыпей курганов I и III находились еще по одному погребению-кенотафу. Зафиксированы два приема возведения насыпей (табл. 1). В большинстве случаев (75%) над остатками сожжения и сопровождающим инвентарем сначала сооружалось каменное ядро из камней средних и малых размеров, положенных несколькими слоями, которые далее покрывались земляной насыпью (курганы I-V, VIII) (рис. 2, 2А, 3С). В трех случаях (курганы VI, VII и IX — 25%) остатки первоначально накрывались небольшой земляной насыпью, а далее следовали слои камней и земли (рис. 3, 1-2), тогда погребальная площадка обязательно посыпалась мелом или известью (табл. 1-2).

Погребальные сооружения и обряд. На могильнике представлены исключительно курганные погребения (тип I). Корреляция основных признаков захоронений позволила выделить два основных варианта погребальных сооружений: вариант I.1 (83%) — на древнем горизонте (гл. — до 0,2-0,5 м от R0 и до 0,15-0,3 м от уровня современной дневной поверхности) и вариант I.2 — в яме (табл. 1). Площадь распространения остатков сожжения варьировала в пределах от 3 до 6 кв.м, а в кургане VIII она составила около 14 кв.м.

Преобладают захоронения на древнем горизонте без дополнительных надмогильных конструкций — субвариант I.1.A (табл. 1). Отмеченная в единственном случае деревянная конструкция (субвариант I.1.B — погребение IIIb, 1) имела неправильную четырехугольную форму, общую площадь около 7 м², внутри которой была глиняная вымостка овальной формы (С-Ю, 0,9 x 0,7 м, толщина 0,05 м), вокруг которой тремя группами попарно располагались шесть ям разных размеров (от 0,64 x 0,5 м при гл. 0,22 м до 0,2 x 0,16 м при гл. 0,06 м) (Levički, 2006: fig. 18). Характер остатков

из внутренней площади этого сооружения позволил отнести его к наземным деревянным погребальным конструкциям (склепам), которые сжигались в процессе погребальной и/или погребально-поминальной церемоний.

Среди захоронений варианта I.2 представлены овально-удлиненные ямы (СЗ-ЮВ), одна из которых (размерами 2,54 x 0,96 м при гл. 1,32 м) на уровне древнего горизонта имела деревянное перекрытие (субвариант I.2.A — погребение I, 1), а у второй ямы, размерами 0,84 x 0,34 м при гл. 0,4 м, имелась небольшая ступенька (субвариант I.2.B — погребение III, 2) (табл. 1).

Могильник Тринка характеризуется биритуализмом: захоронения совершались как посредством трупосожжения, так и трупоположения. Ведущим обрядом было трупосожжение (7 — 58%): кремации осуществлялись непосредственно на месте захоронения и на стороне. На месте производилось частичное (погребение I, 1) или полное (погребение IIIb, 1) сожжение. Остатки от полных кремаций, производимых на стороне, размещались вместе с погребальным инвентарем на древнем горизонте (курганы V-IX) (рис. 3, 2; табл. 2).

Ингумации (3 — 25%) также находились непосредственно на древнем горизонте (курганы II-IV). Предполагается скорченное положение на боку и северо-восточная ориентировка погребенных. Антропологический анализ показал, что в одном из двух одиночных погребений был захоронен мужчина в возрасте 40-45 лет (погребение IV, 1), а парное захоронение (погребение III, 1) было женским, 12 и 18-21 лет, соответственно (табл. 2).

Погребения-кенотафы (2 — 17%) располагались на окраине каменных насыпей (погребения I,2 и III,2) (табл. 2).

Из выявленных на могильнике Тринка *особенностей ритуалов* отметим:

а) в погребениях на древнем горизонте без надмогильных конструкций (субвариант I.1.A):

— обычай уже упоминаемой посыпки мелом или известью погребальной площадки курганов, в которых остатки первоначально перекрывались землей, а затем камнями (табл. 1-2);

- обычай соблюдения определенного порядка в расположении предметов погребального инвентаря: сосуды – преимущественно к югу от площади распространения остатков сожжения; украшения и предметы туалета, оружие и детали колчана, орудия труда – в центральной части кургана, в пределах распространения остатков сожжения. Следует отметить, что инвентарь, находящийся на месте остатков погребального костра, за исключением пряслица и одного скопления фрагментов керамики из погребения VII,1 не имеет следов побывания в огне;
- жертвоприношения после совершения захоронения состоят из лепных сосудов, расположенных за пределами каменного панциря, и представляют собой остатки тризны, совершенной по окончании возведения каменной насыпи одновременно с сожжением ритуальных костров. После завершения тризны и ритуального разбивания сосудов каменная насыпь и остатки тризны накрывались земляным слоем (два случая – погребения VI, 1 и VIII, 1);
- обычай положения в могилу натуральных красителей (красная краска – охра?) отмечен в одном случае (погребение VI, 1) (табл. 2);
- б) обычай положения напутственной мясной пищи в могильнике Тринка выявлен во всех категориях погребений:
 - с трупосожжением, где жертвенное мясо (мелкий рогатый скот) было положено в миску (1 случай – погребение VI, 1);
 - с трупоположением, где жертвенное мясо было положено прямо на земле (2 случая – погребение III, 1, мелкий рогатый скот, и IV, 1, мелкий рогатый скот и домашний осел);
 - в кенотафе, где жертвенное мясо находилось на дне ямы (1 случай – погребение I, 1, крупный и мелкий рогатый скот).

Погребальный инвентарь. Состав инвентаря, сопровождающего кремации, фактически не отличается от найденного при

ингумациях – предпочтение отдавалось личным украшениям и посуде (рис. 2, 2В, 3С; 3, 3-18; табл. 3-4). Все без исключения курганы содержали скопления из фрагментов керамики и, реже, целые сосуды. За исключением кургана V, в котором найден фрагмент венчика кругового сосуда, керамика из могильника Тринка лепная и представлена сосудами, сделанными из грубого теста (кухонная посуда), а также из более качественного, с лучшей обработкой поверхностей (столовая посуда) (рис. 2, 2В, 3С; 3, 14, 16, 18). Следует отметить наличие в погребениях сосудов обеих технологических категорий, без соблюдения обычая обязательного положения определенных форм, однако, наиболее часто встречаются горшки и миски (табл. 3).

Украшения, как и посуда, находились во всех инвентарных захоронениях могильника: наиболее излюбленными были стеклянные и пастовые бусы, количество которых колеблется от 1 до 15, найдены также бусы керамическая и из тонкого бронзового листа (рис. 2, 2В, 3С; 3, 3-8; табл. 3). Из других личных украшений и деталей одежды отметим:

- бронзовые серьги, которые находились по одной в трех погребениях;
- парные бронзовые гвоздевидные булавки в погребении III,1 и фрагмент булавки в погребении VII,1;
- костяную орнаментированную обойму из погребения VI,1 (рис. 2, 2В; 3, 10; табл. 3). Особого внимания заслуживает прямоугольное каменное блюдо с бортиками и комочки охры из кургана VI (рис. 3, 17).

Орудия труда представлены железными ножами (2 случая), фрагментами сильно корродированных железных предметов (3 случая) и глиняными пряслицами (2 случая) (рис. 2, 2В; 3, 9, 15; табл. 3). Из немногочисленных в захоронениях могильника предметов вооружения можно отметить 5 наконечников костяных стрел (погребение I,1) и один бронзовый (погребение VIII,1). В погребении I,1 находились детали колчана – палочка-застёжка и столбик-гвоздик (рис. 2, 2В; табл. 3).

Комбинации сопроводительного инвентаря показывают, что в захоронениях

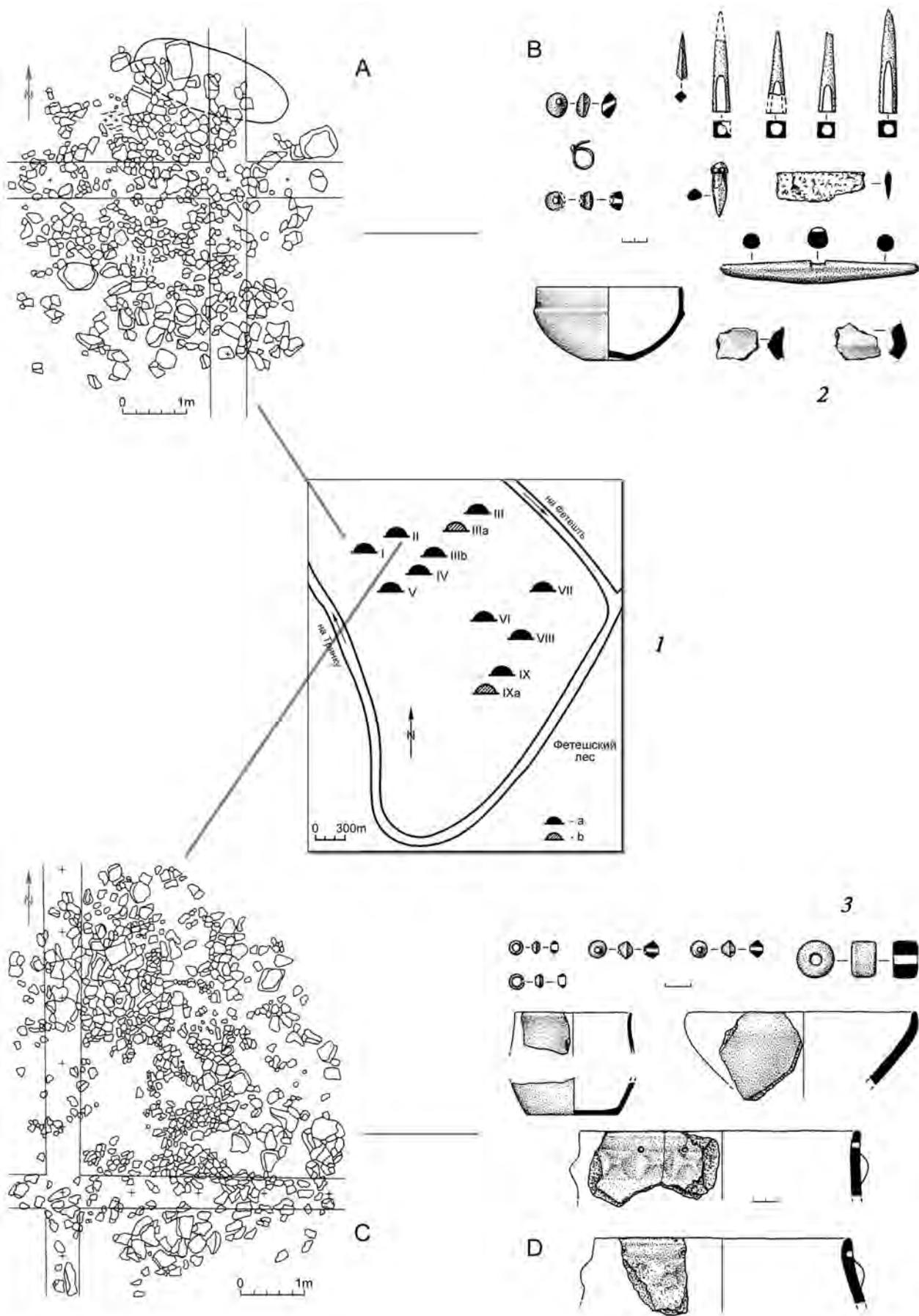


Рис. 2. Могильник Тринка-Друмул Фетешилор. 1 – расположение курганов; 2 – курган I (план и инвентарь); 3 – курган II (план и инвентарь).

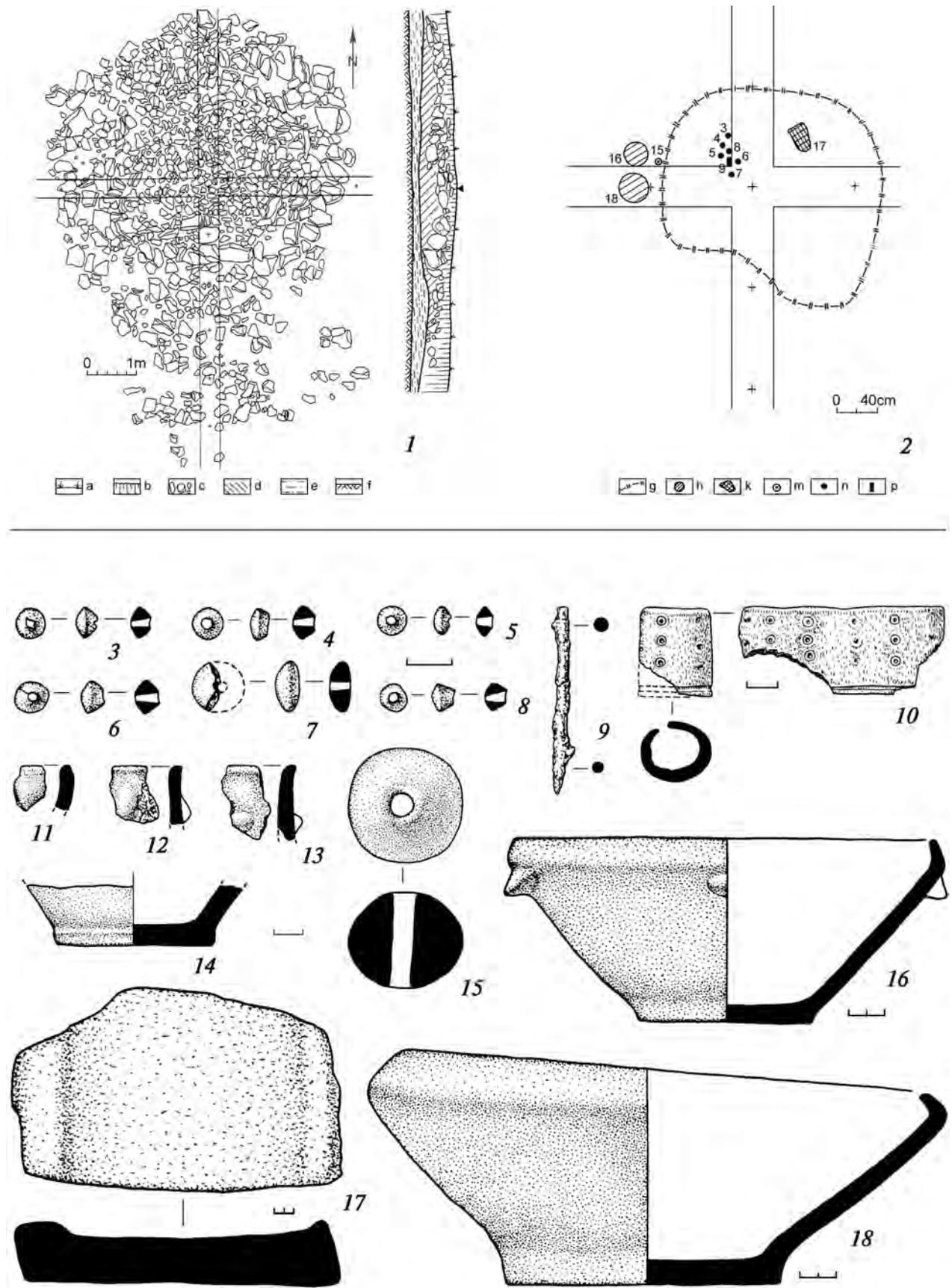


Рис. 3. Могильник Тринка-Друмул Фетештилор. Курган VI.

1 – план кургана; 2 – расположение инвентаря на площади остатков сожжения; 3-18 – инвентарь (3-8 – бусы; 9 – железный предмет; 10 – костяная обойма; 11-14, 16, 18 – керамика; 15 – пряслице; 17 – блюдо; 3-8 – стекло; 9 – железо; 10 – кость; 11-16, 18 – глина; 17 – камень).

наиболее часто встречаются посуда и личные украшения, а также посуда, личные украшения и орудия труда. Сочетания посуды, личных украшений и оружия, а также посуды, украшений, орудий труда и оружия в одинаковой степени редки (табл. 4).

Попытка определения женских и мужских захоронений среди кремаций (в условиях отсутствия антропологических данных) основывалась на анализе состава погребального инвентаря, хотя это представляется не бесспорным (*Nicolaescu-Ploșor, Wolski, 1975: 55*). Так, характерными только для мужских погребений считаются оружие и уздечные принадлежности, а для женских – украшения и туалетные принадлежности, а также типичные орудия труда (в первую очередь, пряслица). В то же время, погребения мужчин не лишены и некоторых украшений (бусы, серьги, браслеты и пр.), а среди женских известны захоронения с оружием. Погребения-кенотафы, сооруженные в честь погибших вдалеке воинов, по мнению специалистов, должны принадлежать взрослым мужчинам (*Nicolaescu-Ploșor, Wolski, 1975: 55, 75-76; Ильинская, 1975: 89; Ковпаненко, 1981: 73; Vasiliev, 1980: 38-39; Ковпаненко и др., 1989: 35*). Другой параметр, который может быть использован для определения пола кремированного, является вид животных, части которых были положены в качестве напутственной пищи (вместе с тем, определение пола на основе костей от жертвенного мяса, учитывая, что локальные предпочтения могли быть разными, также во многом условно). В целом, положение напутственной мясной пищи в погребениях позднегалльштаттского–раннескифского времени характерно, в первую очередь, для могил взрослых и в меньшей степени – для детей. В мужских захоронениях, пол которых определен на основании инвентаря, в зоне Среднего Поднестровья выявлены кости крупных животных (лошади), равно как и кости мелкого рогатого скота, свиньи и кролика (*Смирнова 1977: 33; она же, 1979а: 44; Крушельницкая, 1990: 140*). На грунтовых могильниках скифской группы Трансильвании в мужских погребениях находились кости крупного рогатого скота, а в женских – мелкого (*Vasiliev, 1980: 50-*

53). В позднегалльштаттских курганных могильниках южного Прикарпатья, как в мужские, так и в женские захоронения было положено преимущественно мясо птицы. В то же время в определенных антропологически погребениях мужчин наряду с костями птиц находились кости крупного и мелкого рогатого скота, а в женских – кости мелкого и крупного рогатого скота (*Nicolaescu-Ploșor, Wolski, 1975: tab. 8, 16-17*).

Диагностирующие параметры относительно пола погребенных в сопоставлении с материалами курганов могильника Тринка позволило отнести к числу мужских 4 погребения (№№ I,1, I,2 и III,2, а также II,1 – по антропологическим данным), а к числу женских 5 (№№ II,1, VI,1, VII,1, и IX,1, а также III,1 – по антропологическим данным). Погребения V,1 и VIII,1 могли быть как мужскими, так и женскими. Показательно, что в зависимости от пола погребенных курганы размещены в двух территориально отделенных группах могильника. Северо-западная часть могильника состоит как из захоронений мужчин, так и женщин, представленных ингумациями, полными и неполными кремациями, кенотафами. В юго-восточной части находились преимущественно могилы женщин, представленных кремациями на стороне и захороненных на древнем горизонте без надмогильных конструкций. Эти обстоятельства позволяют предположить, что женщин хоронили в отделенном месте на территории могильника по определенному обряду (рис. 2, 1).

Результаты. Привлеченные для исследованных погребальных комплексов хроноиндикаторы (наконечники стрел и детали колчана, серьги и булавки, круговая керамика и определенные типы лепной посуды, а также специфические орнаментальные композиции) показали время бытования могильника Тринка в пределах жизни трех поколений: от середины VII до первой четверти VI вв. до н.э. (*Levițki, 2004a: fig. 1*). Вместе с тем, современные тенденции плавного понижения датировок отдельных категорий изделий (как раннескифских, так и «европейских галльштаттских») показывают как наиболее предпочтительные

более ранние хронологические рамки для могильника — в пределах VII в. до н.э.²

**Сравнительные характеристики
могильника Тринка–Друмул
Фетештилор — позднегалльшаттские
и раннескифские ресурсы
(подходы к проблеме)**

Поиск позднегалльшаттских и/или раннескифских ресурсов как составляющих культурных традиций в погребальной обрядности рассматриваемого могильника Тринка проводился путем сравнения с синхронными древностями «восточного направления» (раннескифская культура Днепрового Правобережья), «ближайшего окружения» (Среднеднестровский бассейн, западноподольская группа раннескифской культуры; и низменность Рэдэуць, подольско-молдавская группа), а также «юго-западного и западного направлений» (куштановицкая культура Закарпатья; культура Сентеш-Векерцуг (или скифская группа Алфёльда); трансильванская скифская группа; группа Фериджиле/Бырсешть-Фериджиле южного Прикарпатья) (рис. 1). Предварительные результаты отражены в таблице (табл. 5), для составления которой были использованы серии статей и монографий (см. *Levițki, Demcenco, 2005: 45 и сл., там же библиография*)³. В свете проведенного нового анализа основных характеристик могильника Тринка (табл. 1-4), кратко обозначим некоторые тенденции:

— аналогичные *топографические условия и планировка рядами* отмечаются в западноподольской группе (Долиняны, Перебыковцы, Ленковцы, Мышковцы, а также целый ряд недавно раскопанных могильников Чабанивка, Тарасивка, Шутнивцы, Малинивцы, Текливка и Колодиивка), подольско-молдавской группе (Воловэци и Кажвана-Кодру). Планировка рядами зафиксирована в куштановицкой культуре (Чёрный Поток, Куштановице и Невицке) и группе Фериджиле (Тигвень–Бабе, Тигвень–Петроаса, Чепарь–Топлица, а также в Балта Верде (*Berciu, Comşa, 1956: 320-321, fig. 123*). Для раннескифской культуры Днепрового Правобережья

характерно расположение курганов компактными группами на высоких водораздельных участках плато и отдельных возвышенностях, однако большинство курганных групп состоят из насыпей разных эпох (*Ильинская, 1975: 73; Ковпаненко, 1981: 60; Ковпаненко и др. 1989: 27*). Для куштановицкой культуры характерны невысокие плато и равнины, однако и здесь присутствуют ряды внутри групп — Колодное II, Чёрный Поток, Куштановице и Невицке (*Смирнова, Бернякович, 1965: 107; Смирнова, 1979а: 39-40, рис. 11; Попович, 1990: 158*);

— курганы, имеющие *насыпи из известняковых рваных камней*, контур которых обрамлён кольцом из более крупных плит, накрытых земляной насыпью, представляют собой одну из определяющих характеристик западно-подольской группы памятников (*Смирнова, 2004b: 419*). Таким же способом сооружены и курганы в могильнике Сату Маре в низменности Рэдэуць в Южной Буковине (*Ignat, 1976: 106*). Каменно-землянные насыпи сооружались и носителями куштановицкой культуры (Колодное II, Жорнино и Лесовица, Куштановице, Белки, Осой (*Смирнова, Бернякович, 1965, 90-91*). Курганы, в структуре которых присутствуют камни, характерны и для группы Фериджиле-Бырсешть в Южном Прикарпатье (Фериджиле, Вайдеень и Телешть-Дрэгоешть (*Berciu, Comşa, 1956: fig. 193; Vulpe, 1967: 28; Călătoiu et al., 1987: 88*). Относительно лесостепной зоны Днепрового Правобережья отметим, что раннескифские курганы сооружались из земли и были предназначены только для одного погребения (*Ковпаненко, 1981: 63; Ковпаненко и др., 1989: 28*);

— *захоронения на древнем горизонте*, над которым сооружалась курганная насыпь, преобладают в погребальном обряде западно-подольской группы Среднего Поднестровья и низменности Рэдэуць в Южной Буковине. Носители культуры Куштановице также чаще всего хоронили усопших прямо на древнем горизонте, на земляное площадке или в небольших ямах, над которыми сооружался курган. Погребения на уровне древнего горизонте преобладают в курганных могильниках в Южном Прикарпатье: Фериджиле, Вайдеень, Тигвень-Бабе, Тигвень-Петроаса, Чепарь-Топлица, Ципешть, Телешть-Дрэгоешть (*Vulpe, 1967: 19,22-23,28; Vulpe, Popescu, 1972: 78; Popescu, Vulpe, 1982: 102,110-111; Călătoiu et al., 1987: 88*) и Бырсешть (*Morintz, 1957: 221; 1959a: 231; 1959b: 355; 1961: 201*), а также Дунайской равнины — Балта Верде и Гогошу (*Berciu, Comşa, 1956: 390-391, 409*). Что касается «восточного направления», то

¹ Хотя это должно явиться темой последующего углубленного изучения.

² В силу ограниченности заказанного объема статьи ссылки на использованную литературу даются не в полном объеме.

Табл.1

**Могильник Тринка-Друмл Фетештиор.
Классификация погребений по конструкции**

Погребение	Конструкция						
	Насыпь			Погребальное сооружение			
	с кромлехом	камни→ земля	земля→ кам- ни→ земля	на древнем горизонте		в яме	
				на горизонте	глиняная вымостка с деревянной конструк- цией	с перекрыти- ем из дерева	со ступенькой
К I,1	X	X		X			
К II,1	X	X		X			
К III,1	X	X		X			
К IV,1	X	X		X			
К V,1	X	X		X			
К VIII,1	X	X		X			
К IIIб,1	X	X			X		
К I,2	X	X				X	
К III,2	X	X					X
К VI,2	X		X	X			
К VII,2	X		X	X			
К IX,2	X		X	X			
Всего	12	9	3	9	1	1	1

Табл.2

**Могильник Тринка-Друмл Фетештиор.
Классификация погребений по погребальному обряду**

Погре- бение	Погребальный обряд					Особенности ритуалов					
	наличие останков погребенного					отсутствие останков погре- бенного (кенотаф)	красная краска (охра?)	по- сыпка мелом / изве- стью	напут- ствен- ная мясная пища	особый поря- док в поло- жении инвен- таря	жерт- вопри- ноше- ния и тризна
	трупосожжение		труположение								
	на месте	на стороне	одинач- ное	парное							
частич- ное	полное										
К I,1	X										
К IIIб,1		X									
К VI,1			X				X	X	X	X	
К VII,1			X					X	X		
К IX,1			X					X	X		
К VIII,1			X						X	X	
К V,1			X						X		
К II,1				X							
К IV,1				X					X		
К III,1					X				X		
К I,2					X				X		
К III,2					X						
Всего	1	1	5	2	1	2	1	3	4	5	2

здесь любопытны данные, полученные М. Дараган при анализе погребальных конструкций начала раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи: если для позднейшего предскифского времени (Жаботин-I) подавляющее большинство захоронений совершались на древнем горизонте, то в постжаботинское время (уже скифская архаика) преобладают погребения в ямах (Дараган, 2007: 124 и сл., рис. 13; 15).

— на могильнике Тринка лишь в единственном случае зафиксирована сожженная *деревянная конструкция* (склеп?). Между тем, деревянные склепы широко известны в западноподольской группе, где являются ведущей погребальной конструкцией и имеют особое значение, маркируя скифское присутствие на западных территориях Северного Причерноморья (см. подробно: Смирнова, 2004b: 410 и сл.; Гуцал, Гуцал, 2003a: 18 и

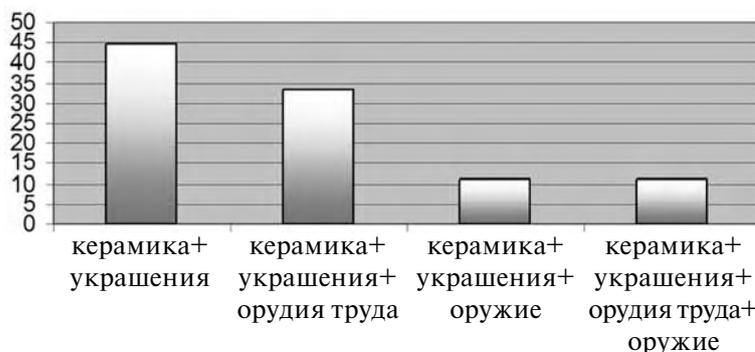
Табл.3

**Могильник Тринка-Друмел Фетештилор.
Комбинации погребального инвентаря**

Погре- бие	Погребальный инвентарь																				
	Украшения, детали одеж- ды, предметы туалета					Керамика							Оружие, дета- ли колчана			Орудия труда					
	серьги	бусы	булавка	подвеска	блюдо	лепная						гончарная	наконечник стрелы	застежка	гвоздик	нож	пряслице	фр-т жел. изделия			
						гор- шок	чер- пак	кубок	миска	кор- чага	мин. сосуд										
К I,1	1	2					1				2				5	1	1	1			
К VIII,1		1				9	1		4	1					1						
К III,1	1	16	2			1		1	1												X
К VII,1	1	2+1	1			1		1	3		1									1	2
К VI,1		6		1	1	2			3											1	1
К IX,1		2				9	1	3	3												
К II,1		4+1				2		2	1												
К IV,1		1				4			1	1											
К V,1		1					1	1	1			1							1		
К IIIb,1						X															
К I,2																					
К III,2																					
Всего	3	37	3	1	1	28	4	7	17	4	1	1	6	1	1	2	2	2	2	2	3+?

Табл.4

**Могильник Тринка-Друмел Фетештилор.
Комбинации погребального инвентаря**



сл.; 2003b: 98-104; 2004: 21 и сл.). Между тем, раскопки казалось бы аналогичной конструкции в Сокилец показали, что часть погребальных сооружений едва ли можно относить к склепам (Сокилец, Шидловцы, Ладычин – *Бандрівський, Захар'єв, 2002: 557 и сл.*). Это, в свою очередь, позволяет по-новому взглянуть на прошедшую в литературе дискуссию между Б.А. Тимошуком и Г.И. Смирновой (см. еще раз: *Смирнова, 2004b: 419*) и вернуться с позиций наших новых знаний к идее Б.А. Тимошука о культовом характере отдельных подкурганых сооружений раннескифского времени на Среднем Днестре (*Тимошук, 1969: 34; он же, 1974: 87 и сл.*);

– биритуализм, отмеченный в могильнике Тринка, представляет собой явление,

характерное для многих культур и культурных групп позднегалльштатского/раннескифского времени, практиковавших как курганные, так и грунтовые могильники: западнородольская и подольско-молдавская группы бассейна Среднего Днестра и Южной Буковины, культуры Вежерцуг северо-восточной Венгрии и юго-восточной Словакии, скифской группы Трансильвании, могильника Гогошу Дунайской равнины, а также для раннескифской культуры лесостепной зоны Днепро-Донецкого Правобережья. Исключительно кремация практиковалась носителями куштановицкой культуры Закарпатья, группы Бырсешть-Фериджиле в Южном Прикарпатье, а также в некоторых могильниках культуры Сентеш-Вежерцуг, а только

Табл.5

**Северное Причерноморье, Карпатский бассейн и Прикарпатье
в позднегалльштатское – раннескифское время.
Основные характеристики погребальных конструкций и обряда в сравнении**

Группа Бырсешть- Фериджиле	Скиф- ская группа Трансильва- нии	Культура Сентеш- Векерцуг	Куш- тано- вицкая культура	Подоль- ско-мол- давская группа	Мо- гильник Тринка	Характеристики	Запад- но-под- ольская группа РСК	Ранне- скиф- ская культура Дне- пров- ского Правобе- режья
●			●	●	●	Высотная местность, планировка рядами	●	●
●			●		●	<i>Конструкции и обряд:</i>	●	
○			●	●	●	1. к – камни-земля	●	
○	Х	Х	Х		○	к – земля-камни-земля		●
Х	●	●				к – земля без насыпи		
●			●	●	●	2. вариант I.1.A – на древнем горизонте, без надгробных сооружений		
					Х	3. вариант I.1.B – на древнем горизонте, сожженный дере- вянный склеп	●	○ ● склеп в яме
Х	●	●	○			4. вариант I.1.A – в яме		●
Х	Х	Х	○	●	○	5. кремация на месте	●	○
●	○	○	●	●	●	6. кремация на стороне	○	Х
	●	●			○	7. ингумация	○	●
○	Х	○	○	Х	Х	8. кенотаф	○	○
	○	○			○	<i>Особенности ритуалов:</i>		
	○	○			○	1. посыпка мелом или известью		
	○	○			Х	2. присутствие натуральных красителей (охра?)		○
○	○	○	●	○	●	3. соблюдение определен- ного порядка в размещении инвентаря	●	●
○	●	○			○	4. напутственная мясная пища	●	●
○					○	5. жертвоприношения, тризна	●	●

Условные обозначения: ● – преобладает, ○ – присутствует, Х – единичные случаи (по: Ильинская, 1975; Ковпаненко, 1981; Ковпаненко и др., 1989; Скорый, 2003; Дараган, 2007; Смирнова, Бернякович, 1965; Смирнова, 1968; 1977а; 1977б; она же, 1979а; она же, 1979б; она же, 2004б; Мелюкова, 1958; Малеев, 1991; Йерем, 1986; Крушельницкая, 1990; Попович, 1990; 1993; 2006; Гуцал и др., 2003; Гуцал и др., 2004; Гуцал и др., 2007; Sulimirski, 1936; Parducz, 1955; Berciu, Comşa, 1956; Morintz, 1957; 1959а; 1959б; 1961; Vulpe, 1967; 1990; Nicolaescu-Ploşor, Wolski, 1975; Ignat, 1978; 2000; 2006; Vulpe, Popescu 1972; Popescu, Vulpe, 1982; Vasiliev, 1980; Chochorowski, 1985; Călătoiu et al. 1987; и др.).

ингумация – в могильнике Балта Верде на Дунайской равнине. Процентное соотношение между кремациями и ингумациями в погребальном обряде обществ, практикующих биригуализм, разное. Показательно, что оба обряда могут встречаться как на одном могильнике, так и в одном погребении: в Среднем Поднепровье в могильнике Шутнивыцы, погребение кургана I содержало кальцинированные кости и части от труположения, а в кургане IV были совершены три одновременных захоронения – центральное (парное труположение) и два трупосожжения (Гуцал и др., 1998: 74-75); в погребение 3 могильника Чюмбруд находился

скелет взрослой женщины и кремация ребенка в урне с крышкой (Vasiliev, 1980: 56). Кремации на стороне известны и в раннескифских погребальных комплексах лесостепной зоны Днепровского Правобережья: в кургане VI у Оситняжки кальцинированные кости были принесены из другого места; в кургане 174 из бассейна р. Тенетинка в яме рядом со скелетом взрослого были положены остатки кремации; в кургане 6 у с. Берестняги на дне ямы находилась кучка кальцинированных костей и инвентарь без следов воздействия огня (Ильинская, 1975: 85; Ковпаненко, 1981: 70). Там же сожжение покойников обычно совершалось на месте, совместно

с наземными или с помещенными в ямах погребальными конструкциями, а в кургане 419 у с. Лазурцы кальцинированные кости были оставлены на костре (Ильинская, 1975: 84-85; Ковпаненко, 1981: 70; Ковпаненко и др., 1989: 34);

– погребения-кенотафы представляют собой широко распространенное явление, в том числе и в позднегалльштаттский-раннескифский период. На могильниках западноподольской группы Среднего Поднестровья курганы-кенотафы содержали погребальные конструкции, остатки погребальных костров и инвентарь – в них отсутствовали только человеческие остатки в виде кремаций или ингумаций (Беремяны, Ладычин, Серватинцы, Завадинцы, Ленковцы, Ивановцы (Sulimirski, 1936: 63,95-99; Мелюкова, 1953: 60; Шукин, 1989: 107). Курганы-кенотафы исследованы в могильнике Кажвана-Кодру в низменности Рэдэуць (Ignat, 2000: 332). Курганы-кенотафы характерны и для куштановицкой культуры, где в курганах в были обнаружены погребальные костры, остатки тризн и предметы инвентаря, но отсутствовали сами захоронения (Куштановице, Дунковице, Колодное, Билке – Смирнова, Бернякович, 1965: 91). Символические погребения, в которых находился только инвентарь, обычно сосуды, известны и в могильнике Сентеш-Векерцуг в северо-восточной Венгрии (Йерем, 1986: 171). Кенотафы, не содержавшие инвентаря, кости, золу в могильнике Фериджиле представлены как курганами, так и впускными погребениями, совершенными на древнем горизонте (Vulpe, 1967: 23, 35-36), смотри также каталог и планы курганов). Курганы без каких-то археологических материалов встречаются и в позднегалльштаттских могильниках Балта Верде и Гогошу на Дунайской равнине (Berciu, Comşa, 1956: 408, 445);

– из особенностей ритуалов отметим, что в погребальном обряде позднегалльштаттских культурных обществ сопредельных территорий обычай положения натуральных красителей не известен: этот обычай присутствует только в отдельных позднегалльштаттских комплексах, например, в погребении № 1 грунтового могильника Журжулешть в Нижнем Попрутье, где комок охры находился в области коленных суставов (Leviţki, Naheu, 1999: 122-123). В то же время этот обычай имел широкое распространение в среде раннескифского населения лесостепной зоны Среднего Днепра (Ильинская, 1975: 154-155; Ковпаненко, 1981: 72; Ковпаненко и др., 1989: 36) и у носителей скифской группы Трансильвании, где практиковалась и посыпка погребений мелом (Vasiliev, 1980: 89-90). Обычай положения напутственной мясной пищи в погребения представляет собой явление, широко распространенное в эпоху бронзы и железа, включая и позднегалльштаттский/раннескифский период. В регионе Среднего Днестра он отмечен во многих

могильниках западноподольской группы: Братышев, Дуплиск, Ладычин (Sulimirski, 1936: 59, 70, 88), Долиняны (мясо лошади) и Перебыковцы (мелкий рогатый скот и кролик) (Смирнова, 1977b: 33; она же, 1979b: 44), В ареале скифской группы Трансильвании напутственная мясная пища засвидетельствована в 73% известных погребальных комплексов: она была положена в миску, но чаще всего находилась непосредственно на земле. Костные остатки свидетельствуют, что чаще всего в женские погребения клали мясо мелкого рогатого скота, а в мужские – крупного рогатого скота. Кости, принадлежащие другим животным (лошадь, свинья, собака(волк), кролик, птица), найдены в небольшом количестве погребений (Vasiliev, 1980: 50-53). Кости животных присутствуют также и в погребальных комплексах культуры Векерцуг. В могильнике Фериджиле в 10 из 70 проанализированных погребений были обнаружены кости птиц, в двух из которых также находились кости мелкого рогатого скота и более крупных животных (Nicolaescu-Plopşor, Wolski, 1975: 31-43). Остеологические остатки от жертвенного мяса в 9 из 21 проанализированных погребений могильника Тигвень-Бабе также свидетельствуют, что предпочтение отдавалось птичьему мясу, которое иногда сочеталась с мясом мелкого рогатого скота, крупного рогатого скота и горного козла. В двух погребениях находились только кости крупного рогатого скота, а в одном – лошади (Nicolaescu-Plopşor, Wolski, 1975: 44-48; Popescu, Vulpe, 1982: 92). В этом контексте, особенной является ситуация в погребении 10 кургана № 3 могильника Тигвень-Бабе, в котором находились два сосуда с кальцинированными костями, принадлежащие только животным: первый содержал 42 фрагмента костей мелкого и крупного рогатого скота, свиньи; второй – более 420 фрагментов костей свиньи, быка, лошади, при преобладании костей свиньи (Nicolaescu-Plopşor, Wolski, 1975: 45). Наличие напутственной мясной пищи является характерным элементом раннескифских курганных погребальных комплексов лесостепной зоны Днепрового Правобережья: остеологические определения показывают, что в погребениях были положены части туш лошади, мелкого и крупного рогатого скота и свиньи (Ковпаненко и др., 1989: 35-40).

Основные характеристики могильника Тринка имеют прямые параллели в погребальных комплексах соседних территорий (Среднее Поднестровье и низменность Рэдэуць), заселенных общностями западноподольской группы памятников раннескифской культуры (Смирнова, 1990: 24-31; она же 2004b: 109 и сл., рис. 1; Крушельницкая, 1990: 151-157) или подольско-

молдавской группы (*Ignat, 2000: 313-344, он же, 2006: 35 и сл.*). Однако особенности ритуалов, совершаемых при захоронениях, а также ограниченность элементов, свойственных западнородольской группе, но являющихся скифскими по происхождению, позволили заключить, что могильник Тринка–Друмил Фетештилор имеет более отчетливый галлыштаттский облик и наименее выраженные скифские элементы по сравнению с западнородольской группой в целом (*Leviṭki, Demcenco 2005: 69-70; Leviṭchi, 2006: 104-113*).

Обсуждение

Проведенная корреляция выделенных типов погребальных сооружений с основными категориями сопроводительного инвентаря могильника Тринка–Друмил Фетештилор, а также наблюдения над планиграфией позволяют акцентировать следующее. На могильнике хоронили не только население, смешанное по своему составу, в то числе и по этническому составу. Здесь мы имеем дело с кладбищем местного населения, представленного преимущественно женскими могилами. К числу местных лидеров могла принадлежать женщина, похороненная в кургане VI, – с ней, помимо всего прочего, были положены каменное блюдо и охра, а ее могила занимала центральное место на могильнике. Сопроводительный инвентарь из этих женских захоронений – керамика и украшения – как раз и показывает тот местный ресурс, на фоне и на основе которого происходило продвижение и освоение воинскими группами ранних скифов новых лесостепных территорий.

Уже не раз подчеркивалось более существенное социально-престижное значение женщин в оседлых земледельческих обществах, где они играли гарантную роль в приобретении и сохранении жизненно-необходимых ресурсов, а также сохранении семейного (и родового) наследия (для предскифского периода – см. *Metzner-Nebelsick, 2004: 289-291*). Однако мужские погребения могильника Тринка, среди которых одно – со стрелами и деталями колчана – может интерпретироваться как воинское (курган I), позволяют

предполагать наличие смешанных браков и значительную инкорпорированность номадов в местную среду. Проблема «женщин» (или жен) ранних кочевников («киммерийцев») уже обсуждалась и на примере изучения особенностей женского костюма на широких территориях Юго-Восточной Европы (*Metzner-Nebelsick, 2004: 271 и сл.*), и на примере могильника Стойкань на юге Запрутской Молдовы, где отмечается высокий процент детских (подростковых) и женских захоронений: из 23 антропологически проанализированных скелетов 10 принадлежали детям или подросткам, 7 – женщинам 6 – мужчинам (*Hänsel, 1976: 141; Бруяко, 2004: 71 и сл.*). И если в Правобережной Днепроградской Лесостепи можно говорить о воинских кладбищах ранних скифов, то западнее – в Среднеднепровском бассейне – освоение территорий скифами имело свои локальные черты. Местную среду представляет не только рассматриваемый могильник Тринка – имеются и другие памятники, например, могильник Ивановцы (*Шукин, 1989: 107, рис. 1, 1-3*).

Дальнейшее изучение могильников типа Тринка позволят вернуться к давно обсуждаемым вопросам о скифском присутствии в западных лесостепных областях Северного Причерноморья. Инновации в погребальном обряде и скифские оружие, конское снаряжение и предметы искусства, безусловно, являются сильными аргументами, позволяющими относить Среднеднепровский бассейн (в областях распространения западнородольской группы) к западным территориям Архаической Скифии. Но едва ли можно сейчас уточнять ее западные границы. Специфические черты западнородольской группы показывают не только сильную степень смешанности населения в этом регионе, но также весьма выраженную ориентированность его населения во внешних связях в западном и юго-западном направлениях. Благодаря таким контактам, появились те выражения материальной культуры, которые отличают западнородольскую группу от восточных соседей, проживавших в лесостепных областях Днепроградской Правобережья.

Література

- Алексеев, 1996* – Алексеев А.Ю. Хронография европейской Скифии (VII–IV вв. до н. э.). Автореферат дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1996.
- Алексеев, 2003* – Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н.э. СПб., 2003.
- Бандрівський, Захар'єв, 2002* – Бандрівський М., Захар'єв В. Про один тип поховальних споруд періоду раннього заліза на Середньому Придністров'ї (за матеріалами розкопок кургану III в селі Сокилець у 1999 році) // Зап. наукового товариства імені Тараса Шевченка. Праці археологічної комісії, т. ССXLIV. Львів, 2002.
- Бруяко, 2004* – Бруяко И.В. Киммерийцы, фракийцы и могильник Стойкани // *Kimmerowie. Scytowie. Sarmaci. Księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskiego*. Kraków, 2004.
- Гуцал, Гуцал, 2003a* – Гуцал А.Ф., Гуцал В.А. Поховальні споруди в курганах Західного Поділля (за матеріалами Т. Сулімірського) // Наукові праці Кам'янець-Подільського державного педагогічного університету. Історичні науки. Т. 11. Кам'янець-Подільський, 2003.
- Гуцал, Гуцал, 2003b* – Гуцал А.Ф., Гуцал В.А. Дерев'яні поховальні камери у курганах Західного Поділля // *Археологія Тернопільщини*. Тернопіль, 2003.
- Гуцал, Гуцал, 2004* – Гуцал А., Гуцал В. Теклівські кургани епохи скіфської архаїки // *Хмельниччина: Дивокрай*. № 1-2. Хмельницький, 2004.
- Гуцал и др., 1998* – Гуцал А.Ф., Гуцал В.А., Мегей В.П. Дослідження курганів скіфського часу у Середньому Подністров'ї // *Археологічні відкриття в Україні 1997-1998 рр.* К., 1998.
- Гуцал и др., 2003* – Гуцал А.Ф., Гуцал В.А., Мегей В.П., Могилов О.Д. Результати досліджень курганів скіфського часу біля с. Теклівка на Поділлі // *Археологічні відкриття в Україні 2001-2002 рр.* К., 2003.
- Гуцал и др., 2004* – Гуцал А.Ф., Гуцал В.А., Мегей В.П., Могилов О.Д. Розкопки курганів епохи раннього заліза в с. Малинівці на Середньому Дністрі // *Археологічні відкриття в Україні 2002-2003 рр.* К., 2004.
- Гуцал и др., 2007* – Гуцал А.Ф., Гуцал В.А., Мегей В.П., Могилов О.Д., Болтанюк П.А. Продовження робіт на курганах ранньоскіфського часу біля с. Колодіївка // *Археологічні дослідження в Україні 2005-2007 рр.* Вып. 9. Київ-Запоріжжя, 2007.
- Дараган, 2007* – Дараган М.Н. Погребальные конструкции начала раннего железного века Днепровской Правобережной Лесостепи. Типология и пространственный анализ средствами ГИС-технологий // *Античный мир и варвары на юге России и Украины. Ольвия. Скифия. Боспор. Москва-Киев-Запорожье*, 2007.
- Дараган, Кашуба, 2008* – Дараган М.Н., Кашуба М. Аргументы к ранней дате основания Жаботинского поселения // *Revista Arheologică, SN, vol. IV, nr. 2. Chişinău*, 2008.
- Дараган, Снытко, 2008* – Дараган М.Н., Снытко Н. Восточно-альпийский гальштат и раннескифские (РСК-3) памятники Среднего Поднепровья: поиск хронологических реперов // *История и практика археологических исследований. Материалы международной научной конференции, посвященной 150-летию проф. А.А. Спицына*. Санкт-Петербург, 26-29 ноября 2008 г. СПб., 2008.
- Евразия скифская радиоуглеродная, 2005* – Евразия в скифскую эпоху. Радиоуглеродная и археологическая хронология. Санкт-Петербург, 2005.
- Ильинская, 1975* – Ильинская В.А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин (VII–VI вв. до н.э.). К., 1975.
- Йерем, 1986* – Йерем Э. Скифский период в восточной Венгрии // *Археология Венгрии (конец II тысячелетия до н.э. – I тысячелетие н.э.)*. Москва, 1986.
- Кашуба, 2008* – Кашуба М. «Скифы и Гальштат» А.А. Спицына в современных исследованиях по Северному Причерноморью // *История и практика археологических исследований. Материалы международной научной конференции, посвященной 150-летию проф. А.А. Спицына*. Санкт-Петербург, 26-29 ноября 2008 г. СПб., 2008.
- Ковпаненко, 1981* – Ковпаненко Г. Т. Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. К., 1981.
- Ковпаненко и др., 1989* – Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А. Памятники скифской эпохи Днепровского-лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). К., 1989.
- Крушельницкая, 1990* – Крушельницкая Л.И. Культуры Прикарпатья, Волыни и Закарпатья раннескифского времени // *Археология Прикарпатья, Волыни и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо)*. К., 1990.
- Лапушнян, 1979* – Лапушнян В.Л. Ранние фракийцы X – начала IV вв. до н.э. в лесостепной Молдавии. Кишинев, 1979.
- Левицкий, 2004c* – Левицкий О. Курганный могильник позднегальштатского периода Тринка «Друмл Фетештило» // *Материалы Конференції «Проблеми скіфо-сарматської археології Північного Причорномор'я»*. (до 105-річчя з дня народження Б. М. Гракова). Старожитності степового Причорномор'я і Криму, вип. XI. Запоріжжя, 2004.

Левецкий и др., 1992 – Левецкий О.Г., Савва Е.Н., Чобану Л.Ф. Исследования курганного могильника раннего железного века у с. Тринка. Anuarul Muzeului Național de Istorie a Moldovei I. Chișinău, 1992.

Малеев, 1991 – Малеев Ю.Н. Курган скифского времени у с. Мышковцы в бассейне р. Збруч // Курганы степной Скифии. К., 1991.

Мелюкова, 1953 – Мелюкова А.И. Памятники скифского времени на Среднем Днестре // КСИ-ИМК. 1953.51.

Мелюкова, 1958 – Мелюкова А.И. Памятники скифского времени лесостепного Среднего Поднестровья // МИА 1958. №64.

Мелюкова, 1979 – Мелюкова А.И. Скифия и фракийский мир. Москва, 1979.

Попович, 1990 – Попович И.И. Памятники Куштановицкой культуры // Археология Прикарпатья, Волини и Закарпатья (энеолит, бронза и раннее железо). К., 1990.

Попович, 1993 – Попович И. Куштановицька група пам'яток // Памятки гальштатського періоду межиріччя Вісли, Дністра і Прип'яті. Київ, 1993.

Попович, 2006 – Попович И. Закарпаття за доби раннього заліза. Kraków-Lwów, 2006.

Скорый, 1996а – Скорый С.А. Кочовики передскифської та скифської доби в Дніпровському Правобережному лісостепу (питання етнокультурної історії). Автореферат дис. ... докт. іст. наук. Київ, 1996.

Скорый, 1996б – Скорый С.А. К вопросу о скифском этнокультурном компоненте на поселениях лесостепного Правобережья // Древности. Харьков, 1996.

Скорый, 2003 – Скорый С.А. Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). Киев, 2003.

Смирнова, 1965 – Смирнова Г.И. K otázce trácké na kruhu robené keramiky ve středním Podněstří // AR, t. 17, 1. Praha, 1965.

Смирнова, 1968 – Смирнова Г.И. Раскопки курганов у сел Круглик и Долиняны на Буковине // АСГЭ. 1968. Вып. 10.

Смирнова, 1977а – Смирнова Г.И. Щодо поховального характеру ранньоскифських пам'яток поблизу сіл Долиняни, Новосілки, Білоусівки // Археологія. 1977. №23.

Смирнова, 1977б – Смирнова Г.И. Курганний могильник раннескифского времени у села Долиняны // АСГЭ. 1977. 18.

Смирнова, 1979а – Смирнова Г.И. Куштановицькі кургани в Закарпатті у села Черний Поток // АСГЭ. 1979. 20.

Смирнова, 1979б – Г. И. Смирнова, Кургани у села Перебыковцы – новий могильник скифской

архаики на Среднем Днестре // Труды ГЭ. 1979. XX.

Смирнова, 1990 – Смирнова Г.И. Культурно-исторические процессы в бассейне Среднего Днестра в конце II – первой половине I тыс. до н.э. Дисс. ... докт. ист. наук в форме научного доклада. Киев, 1990.

Смирнова, 1994 – Смирнова Г.И. Кружальная сероглиняная керамика из раннескифских памятников Среднего Поднестровья: время и пути попадания // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н.э. – V в. н.э.). Мат. междунар. конф. Тирасполь, 1994.

Смирнова, 1998а – Смирнова Г.И. Немировское городище и гальштатский мир // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Мат. междунар. научн. конф., посвящ. 100-летию со дня рожд. проф. М.И. Артамонова. Санкт-Петербург, 1998.

Смирнова, 1999а – Смирнова Г.И. Еще раз о серой кружальной керамике из раннескифских памятников Среднего Поднестровья // АСГЭ. 1999. Вып. 34.

Смирнова, 1999б – Смирнова Г.И. О гальштатских традициях в культуре лесостепной зоны Северного Понта (VII–VI вв. до н.э.) // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья (к столетию Б.Н.Гракова). Мат. междунар. конф. Запорожье, 1999.

Смирнова, 2001 – Смирнова Г.И. Гальштатский компонент в раннескифской культуре лесостепи Северного Причерноморья (по материалам Немировского городища) // РА. 2001. № 4.

Смирнова, 2004а – Смирнова Г.И. О гальштатских прототипах раннескифской лощеной посуде из лесостепной зоны Северного Понта (VII–VI вв. до н.э.) // Congresul al IX-lea Internationale de Thracologie. Tracii și lumea circumpontica / IXth International Congress of Thracology. Thracians and circumpontic World. Rezumate / Summaries, Chișinău-Vadul lui Vodă, 6-11 sept. 2004. Chișinău, 2004.

Смирнова, 2004б – Смирнова Г.И. Состояние изучения Западно-Подольской группы памятников раннескифского времени в Лесостепной Скифии в конце XX века // Kimmerowie. Scytowie. Sarmaci. Księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskiego. Kraków, 2004.

Смирнова, Бернякович, 1965 – Смирнова Г.И., Бернякович К.В. Происхождение и хронология памятников Куштановицкого типа Закарпатья. АСГЭ. 1965. Вып. 7.

Тимошук, 1969 – Тимошук Б.О. Північна Буковина – земля слов'янська. Ужгород, 1969.

Тимошук, 1974 – Тимошук Б.О. Зустріч з легендою. Ужгород, 1974.

- Шукин, 1989* – Шукин М.Б. Семь сезонов Славяно-сарматской экспедиции // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Ленинград, 1989.
- Alekseev, 2004* – Alekseev A.Yu. Some chronological problems of European Skythia: archaeology und radiocarbon // Impact of the Environment on Human Migration in Eurasia. NATO Science Series IV: Earth and Environmental Sciences, vol. 42. Dordrecht, Boston, London, 2004.
- Alekseev et al., 2002* – Alekseev A.Yu., Bokovenko N.A., Boltrik Yu., Chugunov K.A., Cook G., Dergacev V.A., Kovaliukh N., Possnert G., van der Plicht J., Scott E.M., Sementsov A., Skripkin V., Vasiliev S., Zaitseva G. Some problems in the study of the chronology of the ancient nomadic cultures in Eurasia (9th-3rd BC) // Geochronometria. Journal on Methods and Applications of Absolute Chronology 21, 2002.
- Arnăut, 2003* – Arnăut T. Vestigii ale sec. VII–III a. Chr. în spațiul de la răsărit de Carpați. Chișinău, 2003.
- Berciu, Comșa, 1956* – D. Berciu, E. Comșa, Săpăturile arheologice de la Balta Verde și Gogoșu (1949-1950) // Materiale și Cercetări Arheologice II. București, 1956.
- Călătoiu et al., 1987* – Călătoiu Gh., Mocioi I., Marinoiu V. Mărturii arheologice în Gorj. Târgu-Jiu, 1987.
- Chochorowski, 1985* – Chochorowski I. Die Vekerzug-Kultur. Charakteristik der Funde. Warszawa-Kraków, 1985.
- Chochorowski, 1996* – Chochorowski J. Problem recepcji elementów kultury antycznej (greckiej) w Kotlinie Karpackiej w VI w. p.n.e. Na marginesie dyskusji o genezie tzw. Szarej ceramiki toczonej // Problemy epoki brązu I wczesnej epoki żelaza w Europie Środkowej. Kraków, 1996.
- Hänsel, 1976* – Hänsel B. Beiträge zur regionalen und chronologischen Gliederung der älteren Hallstattzeit an der unteren Donau. Beitr. Ur- u. Frühgesch. Arch. Mittelmeer-Kulturräum 16-17. Bonn, 1976.
- Ignat, 1976* – Ignat M. Decouvertes du Hallstatt thrace dans le departement de Suceava // Thraco-Dacica, t. I, nr. 1-2. București, 1976.
- Ignat, 1978* – Ignat M. Necropola tumulară hallstattiană de la Volovăț – Dealul Burlei // Suceava V, 1978.
- Ignat, 2000* – Ignat M. Un nouveau groupe culturel du hallstatt tardif sur le territoire de la Roumanie // Studia Antiqua et Archaeologica VII, Iași, 2000.
- Ignat, 2006* – Ignat M. Necropolele tumulare din zona Rădăuți în cadrul lumii traco-getice (sec. VII–V a. Chr.). Târgoviște, 2006.
- Kerschner, 2006* – Kerschner M. Zum Beginn und zu den Phasen der griechischen Kolonisation am Schwarzen Meer. Die Evidenz der ostgriechischen Keramik // Eurasia Antiqua, 12. Berlin, 2006.
- Kowal, 2008* – Kowal A. Grey ware from the Koshary site // Pontika 2006. Recent Research in Northern Black Sea Coast Greek Colonies. Kraków, 2008.
- Levițki, 1998* – Levițki, O. Considerații asupra monumentelor funerare din perioada Hallstattiană târzie de pe teritoriul Moldovei. Revista Arheologică, nr. 2. Chișinău, 1998.
- Levițki, 1995* – Levițki O. Investigațiile arheologice de la Trinca, raionul Edineț, Republica Moldova // Cercetări arheologice în aria Nord-Tracă. I. București, 1995.
- Levițki, 1996* – Levițki O. Considerations sur les monuments funéraires du Hallstatt tardif sur le territoire de la Moldavie // Der Basarabi-Komplex in Mittel- und Südosteuropa. Kolloquium in Drobeta-Turnu Severin (7-9-November 1996). Bukarest, 1996.
- Levițki, 1997* – Levițki O. Ensembles tumulaires d'époque Hallstattienne en Moldavie. // Premier age du fer aux bouches du Danube et dans les regions autour de la Mer Noire. Actes du Colloque International (Septembre 1993, Tulcea). Tulcea, 1997.
- Levițki, 2000* – Levițki O. Necropola tumulară hallstattiană târzie – Trinca «Drumul Feteștilor» (jud. Edineț) // Funeral practices as forms of cultural identity (bronze and iron ages). Abstracts. Tulcea, 2000.
- Levițki, 2004a* – Levițki O. Încadrarea cronologică a necropolei tumulare Trinca «Drumul Feteștilor» // Studii de istorie veche și medievală. Omagiu Profesorului Gheorghe Postică. Chișinău, 2004.
- Levițki, 2004b* – Levițki O. Apartenența culturală a necropolei tumulare hallstattiene de la Trinca, Jud. Edineț // Memoria Antiquitatis XXIII. Piatra-Neamț, 2004.
- Levițchi, 2006* – Levițchi O. Necropola tumulară hallstattiană târzie Trinca – «Drumul Feteștilor». Bibliotheca Archaeologica Moldaviae III. Iași, 2006.
- Levițki, 2009* – Levițki O. Considerații asupra ceramicii lucrate la roata olarului din așezarea Trinca «Izvorul lui Luca» // Omagiu lui prof. Ion Niculiță la 70 anii. Chișinău, 2009 (sub tipar).
- Levițki, Demcenco, 2005* – Levițki O., Demcenco T. Construcții și obiceiuri funerare practicate de comunitățile hallstattiene târzii din Platoul Moldovei de Nord (în baza necropolei Trinca «Drumul Feteștilor») // Revista Arheologică. SN. Chișinău, 2005. Vol. I. Nr. 1.
- Levițki, Haheu, 1997* – Levițki O., Haheu V. Șantierul arheologic Trinca (Republica Moldova), (Campania 1995) // Cercetări arheologice în aria Nord-Tracă. I. București, 1997.
- Levițki, Haheu, 1999* – Levițki O., Haheu V. Necropola hallstattiană târzie de la Giurgiulești. Studia în onorem Ion Niculiță. Chișinău, 1999.

Metzner-Nebelsick, 2004 – Metzner-Nebelsick C. Wo sind die Frauen der Kimmerier? Ein Beitrag zum Kulturkontakt zwischen Kaukasus, nordpontischen Steppen und Karpatenbecken am Beispiel der Frauentrachten des 9. und 8. Jahrhunderts v.Chr. // *Kimmerowie. Scytowie. Sarmaci. Księga poświęcona pamięci profesora Tadeusza Sulimirskiego*. Kraków, 2004.

Morintz, 1957 – Morintz S. Săpăturile de la Bîrsești (reg. Galați, r. Vrancea) // *Materiale și Cercetări Arheologice III*. București, 1957.

Morintz, 1959a – Morintz S. Săpăturile de la Bîrsești-Vrancea (r. Vrancea, reg. Galați) // *Materiale și Cercetări Arheologice V*. București, 1959.

Morintz, 1959b – Morintz S. Săpăturile de la Bîrsești (r. Vrancea, reg. Galați) // *Materiale și Cercetări Arheologice VI*. București, 1959.

Morintz, 1961 – Morintz S. Săpăturile de la Bîrsești (r. Vrancea, reg. Galați) // *Materiale și Cercetări Arheologice VII*. București, 1961.

Nicolaescu-Ploșor, Wolski, 1975 – Nicolaescu-Ploșor D., Wolski W. Elemente de demografie și ritual funerar la populațiile vechi din România. București, 1975.

Niculiță, ș.a. 2002 – Niculiță I., Teodor S., Zanoci A. Butuceni. Monografie arheologică. Bibliotheca Thracologica XXXVI. București, 2002.

Parducz, 1955 – Parducz M. Le cimetiére hallstattien de Szentes-Vekerzug III // *Acta Archaeologica VI* / 1-4, 1955.

Pontic Grey Wares, 2008 – Pontic Grey Wares. International Conference, Bucarest-Constanza 30/09 – 03/10/2008. Bucarest-Constanza, 2008.

Popescu, Vulpe, 1982 – Popescu E., Vulpe A. Nouvelles decouvertes du type Ferigile // *Dacia N.S.*, t. XXVI, nr. 1-2, București, 1982.

Smirnova, 1998b – Smirnova G. Din nou despre ceramica cenușie lucrată la roată descoperită în sinturile scitice timpurii din zona Nistrului Mijlociu // *SCIVA*, t. 49, nr. 1. București, 1998.

Sulimirski, 1936 – Sulimirski T. Scytowe na zachodnim Podolu. Lwów, 1936.

Vasiliev, 1980 – Vasiliev V. Sciții agatârși pe teritoriul României. Cluj-Napoca, 1980.

Vulpe, 1967 – A. Vulpe, Necropola hallstattiană de la Ferigile. Monografie arheologică. București 1967.

Vulpe, 1990 – Vulpe A. Die Kurzschwerte, Dolche und Streitmesser der Hallstattzeit in Rumänien. PBF VI, 9. München, 1990.

Vulpe, Popescu, 1972 – Vulpe A., Popescu E. Contribution a la connaissance des debuts de la culture ceto-dacique dans la zone Subcarpatique Vilcea-Argeș (La necropole tumulaire de Tigveni) // *Dacia N.S.*, t. XVI, nr. 1-2. București, 1972.